

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-153
EDN: RSNOOY

Номинация жанра «рассуждение»: этимологический анализ

Екатерина Александровна Кытманова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
ekaterina__k@hotmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-5200-2815>

Аннотация. Жанр «рассуждение» возник в русском научном дискурсе в XVIII в., однако номинирующая его лексема имеет более древнее происхождение. Данная статья посвящена истории возникновения и развития лексемы «рассуждение», которая рассматривается в фонетико-орфографическом, морфологическом и семантическом аспектах на материале произведений древнерусской письменности XI в. Несмотря на то, что слово «рассуждение» впервые появляется в переводных текстах с греческого, результаты исследования подтверждают старославянское происхождение лексемы и выявляют ее ономаσιологическую структуру и первичное лексическое значение. На основе данных фонетико-орфографического анализа было доказано, что лексема «рассуждение» претерпела процессы ассимиляции в древнерусском языке, что нашло отражение в ее орфографическом облике. Морфолого-словообразовательный анализ подтвердил наличие в слове трех степеней деривации и отпричастное происхождение слова, сохранившего в своей ономаσιологической структуре значение вневременного признака глагола. С помощью контекстуального анализа было установлено, что лексема «рассуждение» обладала семантическим синкретизмом и проявляла вариативность в оттенках значения в произведениях разных жанров средневековой нравоучительной литературы. В жанрах религиозно-философской литературы, таких как пандекты и патерики, лексема «рассуждение» имела значение «обращение за духовным советом», а в текстах сборников, включающих заповеди и поучения религиозно-правового характера – «судебное разбирательство», «решение». С помощью методики компонентного анализа в структуре лексического значения слова была выявлена центральная сема, которая позволит в дальнейших исследованиях объяснить траекторию развития «рассуждения» от единицы общего словаря до номинации научного жанра и особенности самого жанра.

Ключевые слова: лексема; жанр; номинация жанра; ономаσιологическая структура слова; ассимиляция; калькирование; семантический синкретизм; древнерусская письменность XI в.

Для цитирования: Кытманова Е. А. Номинация жанра «рассуждение»: этимологический анализ // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 153–164. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-153>. <https://elibrary.ru/RSNOOY>

Original article

Nomination of the genre «rassuzhdeniye»: etymological analysis

Ekaterina A. Kytmanova

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of foreign languages, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24
ekaterina__k@hotmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-5200-2815>

Abstract. Although the genre «rassuzhdeniye» (reasoning) originated in Russian scientific discourse in the XVIII century, the lexeme nominating it has a more ancient origin. This article describes the history of the origin and development of the lexeme «rassuzhdeniye», which is considered in phonetic and orthographic, morphological and semantic aspects using the works of the XI century Old Russian texts. Despite the fact that the word «rassuzhdeniye» first appears in texts translated from Greek, the results of the study confirm the Old Slavonic origin of the lexeme and show its onomasiological structure and primary lexical meaning. The data of phonetic and orthographic analysis prove that the lexeme «rassuzhdeniye» was assimilated in Old Russian, which is reflected in the orthography of the word. Morphological and word-building analysis revealed three degrees of derivation and participial origin of the lexeme which is preserved in its onomasiological structure endowing it with the quality of non-temporal verbal meaning. Using the data of

contextual analysis, the author proved that the lexeme under consideration possessed a syncretic meaning revealing its semantic nuances in different contexts of various genres of Russian Orthodox didactic literature. In the genres of religious and philosophical literature, such as pandects and patrologies, the lexeme had the meaning of «seeking spiritual guidance», whereas in the texts containing teachings and commandments it has the meaning «judicial decision». The component analysis of the word «rassuzhdenije» identified its core, which can help in interpreting its development trajectory from a lexeme of general vocabulary to a genre nomination and specify the features of the genre itself.

Key words: lexeme; genre; genre nomination; onomasiological structure; assimilation; calque; semantic syncretism; Old Russian literature of the 11th century

For citation: Kytmanova E. A. Nomination of the genre «rassuzhdeniye»: etymological analysis. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(4):153–164. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-153>. <https://elibrary.ru/RSNOOY>

Введение

Возникновение научной деятельности в России XVIII века привело к появлению системы научных жанров, центральным из которых являлось «рассуждение». Наличие жанра подтверждается не только большим количеством научных трудов, имеющих данную номинацию («Рассуждение об оде вообще» (1734), «Рассуждение о комедии вообще» (1750) В.К. Третьяковского, «О причине теплоты и стужи. Рассуждение Михаила Ломоносова» (1749), «Рассуждение о упругости воздуха, которое предлагает Михайло Ломоносов» (1749), «Рассуждение И. Е. Фишера о гиперборейцах...» (1755), «Политическое рассуждение о числе жителей у некоторых древних народов» (1788) Д. И. Фонвизина, «Разсуждение о врачебной науке, которую называют докторством» (1787) Г. Н. Теплова и др.), но и дефиницией в «Словаре Академии Российской», где «разсужденіе» определяется как «Сочиненіе, содержащее въ себе подробнѣйшее размышленіе, разсмотрѣніе какаго либо предмета» [Словарь Академии Российской..., стлб. 959]. Из данного определения следует, что рассуждение прошло довольно длинный путь развития от номинации действия до номинации жанра, и это развитие происходило в средневековый период истории русского языка и культуры. Последнее замечание весьма важно для понимания национально-специфических черт не только жанров русских научных текстов, но и русского научного мышления, что опровергает расхожие заявления о том, что русская наука, также как и русская культура XVIII века были явлениями импортированными и чуждыми русской природе.

Как справедливо заметила Л. В. Балашова, особенности жанра отражаются и «в выборе единицы, заимствованной или исконно русской, словообразовательно производной или производной, причем с определенной словообразовательной структурой; в

использовании первичного или вторичного ЛСВ для именования речевых жанров и их компонентов; в степени словообразовательной и семантической (прежде всего – метафорической) активности таких номинаций; в наличии системы экспрессивных синонимов для обозначения жанров, особенно в разных стратах современного русского языка» [Балашова, 2022, с. 161].

Целью данной статьи является рассмотрение номинации жанра «рассуждение» в этимологическом аспекте, то есть выявление его начального морфемного состава и словообразовательных связей, а также первичного лексического значения.

Методы исследования

Методы и процедуры исследования включают: диахронический подход, этимологический, фонетико-орфографический, морфемный, словообразовательный, контекстуальный и компонентный анализ семантики слова.

Состояние вопроса исследования

К сожалению, диахронические словари русского языка не дают этимологического анализа слова «рассуждение», указывая лишь на его церковнославянское или латинское происхождение. Так, авторы «Русского этимологического словаря», утверждают, что слово «рассуждение» наряду с «разглагольствованием» и «разысканием» является калькой с латинского слова *dissertatio* [Аникин, 2020, с. 58].

Между тем, слово известно в русском языке еще с XI века и не только в старославянской (*расоуждениѣ*), но и в древнерусской огласовке (*расоуждение*) [Словарь древнерусского языка..., 2013, с. 238].

Могло ли слово быть семантической калькой? Возможно, но если слово и было калькировано, то не с латинского, а древнегреческого образца. Есть основания полагать, что «рассуждение» является переводным эквивалентом греческого слова *διάκρισις* – от гл. *διάκρινω* – «разделять», «пони-

мать», «различать». Подтверждение тому – наличие в русском языке элементов, из которых составлена калька (приставка *разъ-*, корень *соуд* (*соуж*) и суффикс *-ениј*). При этом все элементы соответствуют древнегреческим морфемам по семантике: приставки *διά* и *разъ-* со значением «разделения» (Ср. *διάρεω*, *διάρεσις*; *раздѣлити*, *раздѣление*), «распределенного действия» (Ср. *διαπέμπω*; *разбѣгатиса*), «завершенности, полной степени качества» (*διαθέσασαι*, *διαφόρος*; *разгладати*, *различьнги*); корень *сжж/сжд* (*соудь/соуж*), который восходит к индо-европейским корням *som** и *dhe** (деть, дело) и имеет греческий эквивалент – *κρίσις* от гл. *κρίνω* [Фасмер, 1986–1987, с. 794]; и, наконец, суффикс *-(e)ниј*, который является самым распространенным в старославянском языке средством для образования имен существительных с абстрактным значением.

Как справедливо заметил Л. П. Крысин, «кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития» [Крысин, 2002, с. 30]. Однако вопрос о калькировании представляется весьма важным в связи с раскрытием национального / заимствованного характера единицы-номинации жанра.

По наблюдению Крысина, «кальки отличаются тем, что в них реализуются какие-то нехарактерные, неорганичные для данного языка черты – либо в формальной, либо в содержательной стороне слова, словосочетания» [Крысин, 2002, с. 31]. Поскольку словообразовательная модель слова является органичной для русского языка и подтверждается большим количеством примеров даже на этапе древнего периода, очевидно, что «новым» для русского языка было значение слова, относящееся к духовной, религиозно-философской сфере. Следовательно, можно предположить, что мы имеем дело с семантической калькой, однако это довольно сложный случай калькирования, возможно ещё не описанный в научной литературе, поскольку имеет ряд характерных черт, отличающих его от общеизвестных аналогов. Во-первых, слово, если и было калькировано, то не с оригинального языка на переводящий (с греческого на русский), а через посредство старославянского языка, что накладывало на процесс ассимиляции не только семантические, но и фонетические, морфологические и грамматические трудности; во-вторых, влияние старо-

славянского языка было не однократным, а многократным, точнее троекратным (имеется в виду возвращение к старославянским образцам в результате книжных реформ митрополита Киприана (XIV в.), и патриарха Никона (XVII в.)), что существенно изменяло процесс естественной ассимиляции слова в русском языке; в-третьих, в силу того, что одномоментному переводу подвергались греческие источники, относящиеся к разным жанрам и разным эпохам в развитии самого греческого языка, значение исходного слова *διάκρισις* не было правильно понято в его многозначности и диахронической динамике и, следовательно, адекватно передано в старославянских переводах. В итоге русскому человеку приходилось самому «вырабатывать» трудный смысл многогранного понятия «рассуждение».

Результаты исследования

Слово «рассуждение» в XI в. Истоки.

По всей видимости, самой архаичной формой слова является *расжжденьѣ** (в источнике – *расжжденьѣмь*, тв.п.), зафиксированное в Пандектах Антиоха, хотя древнейшими рукописями принято считать Остромирово Евангелие и Изборники 1073 и 1076. Однако в Остромировом Евангелии слово не употребляется. Это объясняется «редкостью» его греческого аналога в Новом Завете. Согласно исследованиям Д. ДеГраафа, *διάκρισις* употребляется в Новом Завете всего три раза [DeGraaf, 2005, с. 740], причем эти эпизоды не включены в ОЕ, а единственный случай употребления глагола *διάκρινω* (из 19 имеющихся в Новом Завете) получает не калькированный, а семантический эквивалент – *не оужьмьнитьса* (*διάκριθῆ*; Марк 11:23) [Евангелие..., л. 294], что характерно для общеевропейской традиции перевода страдательного залога этого глагола (значение «сомнения» наблюдалось в латинских переводах Библии ещё до Вульгаты).

Что же касается других трех древнейших источников русской книжности, то, как считает Т. Л. Миронова, тексты Изборника Святослава 1073, Изборника 1076, Синайского Патерика, так же, как и Пандектов Антиоха, были созданы в результате транслитерации старославянских оригиналов с древнейшей глаголицы на кириллицу, однако Пандекты Антиоха имеют более древнее происхождение, будучи транслитерированы с архаической глаголицы [Миронова, 2004, с. 245].

По мнению П. М. Копко, Пандекты Антиоха сохранили древнейший вид предполагаемого источника на церковнославянском языке и были

списаны с трех разных подлинников: 1) меньшая часть (лл. 26 об. – 125 (128)); 2) большая часть – остальная рукопись, наиболее древняя, не допускавшая руссизмов; 3) лл. 18 об. – 26 об. (так называемая «одноеровая» часть, которая была списана с более позднего источника и позднее более подробно рассмотрена И. Пожгаи и И. Тотом [Porovski, 1989]) [Копко, 1915, с. 1].

Если предположить глаголическое происхождение слова, то, возможно, оно выглядело следующим образом: □□(□)□□□□□□□□□□*. При этом буква (□), скорее всего, отсутствовала, либо текст воспринимался писцом, переписывавшем его на кириллице, на слух, и звуки «з» и «с» неизбежно сливались при произнесении. Данное предположение об отсутствии буквы □ подтверждается и тем фактом, что написание буквы «з» в приставке *раз-* отсутствовало в кириллических текстах вплоть до XIV века. Вопросы также вызывает и буква *ѣ*, поскольку в глаголице не было букв, обозначающих йотированные звуки.

Слово «рассуждение» встречается в источнике в двух формах: *расжжѣдѣньемь* [Пандект монаха Антиоха..., л. 187] и *расоуждѣнѣ* [Пандект монаха Антиоха..., л. 57]. Первая форма относится к источнику более древнему, чем начало рукописи. Как можно заметить, уже в одном памятнике начинается замена староболгарских фонетико-графических явлений на восточнославянские: «юсы» большой и малый заменяются на буквы «оу» и «ѧ», обозначающие чистые гласные, редуцированного «ь» на «и». Отсюда форма *расоуждѣнѣ* – более позднее явление, свидетельствующие о «обрусении» слова уже на ранней стадии его проникновения в язык.

Фонетико-орфографический аспект

В других древнейших источниках кириллической письменности на Руси встречаются следующие орфографические варианты слова: *расоуждениѣ* [Изборник великого князя..., л. 161; 9 (11), л. 26]; *расоужаниѣ*, *расоужениѣ*, *без расжжѣнѣ* [Синайский патерик..., л. 37; л. 38 об.; л. 124].

Наблюдаемая фонетико-графическая вариативность слова в пределах одного периода и даже одного источника – свидетельство его иноязычного происхождения. Появившееся в староболгарском языке новообразование претерпевало процесс ассимиляции в древнерусском языке, на что указывают следующие изменения, отраженные в орфографическом облике слова:

1) падение носовых гласных и замена носового гласного [ɔ] на [u], что выразилось в замене «юса большого» на лигатуры «оу» / «Ѹ» и позднее монограф «у»;

2) замена сверхкраткого редуцированного [ь] на гласный полного образования [и], соответственно в буквах «ь» – «и»;

3) замена сложного звука с фрикативным началом и взрывным окончанием [ʒ'd'] в южнославянском (болгарском) языке на палатализованный переднеязычный спирант [ʒ'], соответственно: «жд» – «ж».

Сложно судить об акцентной структуре слова. Одно можно утверждать в точности: в отличие от древнегреческого аналога (*διάκρισις*) ударение в старославянском варианте не падало на приставку. Таким образом, значение греческого слова «разделение, расчленение, разъединение, проникновение», которое больше сосредоточено в приставке *διά-*, не было основным в старославянском и затем русском языке.

Несовпадение ударения с греческим аналогом подтверждают и акцентные перестройки XIV в., в результате которых ударение было закреплено за суффиксом – *расжжѣдѣнѣ* [Иоанн Синайский...]. Подобные изменения касались выравнивания внутри совокупности слов, образованных от одного и того же суффикса с переносом ударения на суффикс: «Как легко понять, достижение этого идеала означало бы не что иное, как доминантность суффикса» [Зализняк, 2010, с. 181], что способствовало закреплению словообразовательной модели V + -ениѣ = N, и повысило абстрактность лексемы, закрепив ее за религиозной и риторической литературой.

Морфологический аспект

Доказательством того, что слово «рассуждение» не являлось калькой, но творческим переводческим решением в отсутствие семантического эквивалента, может служить и морфемно-словообразовательный анализ, способствующий выявлению ономазиологической структуры слова.

Исследуя старославянскую лексику, Р.М. Цейтлин отметила, что в языке X–XI вв. насчитывалось до 736 слов с суффиксом *-ниѣ* [Цейтлин, 1977, с. 69], что, по мнению автора, свидетельствовало о продуктивности модели образования существительных с абстрактным значением. Однако, на наш взгляд, статус отглагольного существительного неприменим к данным словам, по крайней мере в XI в., поскольку слова на *-ниѣ* являются не результатом приложения суффикса к глагольной основе, а продуктом не-

скольких процессов, и не только словообразовательных, но и морфологических. Каждый из этих процессов наложил свой «отпечаток» на семантику производного слова.

По справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, «в отличие от простых, производных знаков, выражающих принадлежность слов к одной единственной категории, производное слово, напротив, принадлежит одной категории, хранит в себе тем не менее след другой и потому «гибридно» [Кубрякова, 2004, с. 197–198], что ставит вопрос о соотношении в ономаσιологической структуре рассматриваемого нами производного слова категорий предметности, признаковости и процессуальности.

Слово является производным, поскольку в нем выделяются одна корневая и три аффиксальных словообразовательных морфемы: *ра-сжжд-ен-ьј(ε)*, что говорит о трех степенях деривации:

I степень: *раз-* + *сж(ж)дити* – *расж(ж)дити / расж(ж)дати* (Ср. *расжждалися* [Popovski, 1989, с. 59], *расжждаємо* [Изборник великого князя..., л. 10 об.])

II степень: *расжжд(а)* + *-н* – *расж(ж)днь / расж(ж)день / расжжань* (Ср. *расоуднь* [Изборник великого князя..., л. 8 об.])

III степень: *расжжен* + *-*ьј / иј* – *расжж(д)ены / расжжание*.

Рассмотрим «вклад» каждого этапа в семантику лексемы.

Присоединение приставки *раз-* не было результатом калькирования древнегреческого слова, но проявлением активной модели, действовавшей в старославянском языке, причем приставка присоединялась не только к основе глагола, но и существительного (Ср. *разоумь, размысль, расоудь*).

Поскольку присоединение приставки не влияло на формирование категориальных признаков слова (слово оставалось в рамках той же части речи), мы не будем учитывать первый этап деривации для построения ономаσιологической структуры слова, однако важно отметить, что после того, как данная модель сложилась, именно в приставке происходили семантические сдвиги, определяющие развитие лексического значения слова. Так, графическое выделение приставки в ходе евфимьевской справки и закрепление ее в результате никонианской книжной реформы закрепило главенство этой морфемы над другими частями слова, которые уже с семантической точки зрения представляли некое целое, тогда как приставка *раз-* стала генерировать различные

изменения как в денотативном, так и в коннотативном компонентах слова по ценностной шкале от положительного полюса («способность размышлять, оценивать, разум») до отрицательного («сомнение, отступничество»).

Присоединение суффикса *-н* – традиционный для славянских языков способ образования страдательных причастий прошедшего времени, что формировало категориальное значение страдательного залога и указание на пациенс. Однако это также мог быть и суффикс прилагательного, поскольку, как известно, прилагательные и причастия в старославянском языке практически не различались. Тем не менее переход в разряд прилагательных сопровождался формированием значения атемпорального признака действия, что, на наш взгляд, и отражало значение слова в XI в. В некоторых контекстах форма прилагательного выполняла функции существительного и наоборот – форма существительного выполняла функции прилагательного и причастия, например: «*Разоумъваи пьра мьдльно твори же расоуждениа не тьштася*». В данном тексте *расоуждениа* является переводным соответствием греческого (*τὰ κριθέντα*), то есть соответствует причастию и означает «вынесенное судебное решение».

В так называемом «Минейном сборнике», признанном исследователями более древним антиграфом Изборника 1076 [Буланин, 1990; Мушинская, 2015; Veder, 2019] для перевода той же части речи используется причастие *расоуженыа*: «*Разоумъваи пьра моудно, твори же расоуженыа тоцно. елма же згло есть блазно, еже в вьцехъ неиспытно, аще бо бе свьта*» [Николов, 2000, с. 96], что подтверждает нашу версию о неустойчивой частеречной принадлежности слова и доминировании признаковости в его ономаσιологической структуре.

Присоединение форманта *-*ьј-е / иј-е*, который исходно бытовал в славянских диалектах и использовался для образования собирательных существительных, который стал применяться для создания слов, обозначающих отвлеченные понятия, а также при образовании названий действий от страдательных причастий, было показателем осознания древнеболгарским переводчиком значения опредмеченного действия или его результата, которое содержалось в греческом образце, но не было достаточно понятно в славянском мире. Присоединение этого форманта к уже имеющим-

ся в старославянском языке причастно-адъективными формам, возможно, и стало тем творческим актом, который породил лексему «рассуждение».

Кубряковой было выявлено, что в результате словообразовательных процессов «ингерентные для данной части речи концепты устранены быть не могут, устраняются лишь ее модификационные (словоизменительные, субкатегориальные, но не категориальные) характеристики» [Кубрякова, 2004, с. 206].

Исходя из данного утверждения, можно предположить ономазиологическую структуру слова в диахроническом аспекте следующим образом. Базисом слова «рассуждение» является процессуальность (изменение), тесно связанная с признаковостью по действию (градуальность, здесь: постепенное, поэтапное изменение), однако эта признаковость имеет не темпоральный или залоговый, а, скорее, видовой характер, свидетельствующий о завершении процесса – появляется предметность (результат процесса) – «нечто подвергшееся суду», «результат судебной (разумной, рациональной) деятельности, вынесенное решение».

Семантический аспект

Для изучения семантики слова обратимся к контексту. Источниками древнерусских текстов XI в., уже упомянутых нами, были: Пандекты Антиоха, Изборники 1073 и 1076 гг. и Синайский патерик.

Все эти тексты являются сборниками аскетически-нравоучительного характера. Пандекты представляют собой выдержки из Священного Писания, перемежающиеся святоотеческими поучениями и молитвами. Патерики – сборники изречений святых отцов или рассказов о них. Изборники включали собрание гномологических текстов (поучительных изречений и притч).

Важно отметить, что лексема «рассуждение» встречается не только в религиозных, но и в поучительных текстах. Даже те из них, которые, как Пандекты Антиоха, являлись собранием библейских и евангельских изречений, имели формат, который представлял собой *κεφάλαια παρανετικά* (поучительные главы), организующие материал тематически или вопросно-ответным образом. Некоторые исследователи подметили, что этот жанр близок популярной в философской литературе позднеантичного периода, в частности, «Медитациям» Марка Аврелия [Pozsgai, 2015, с. 63] (о связи жанра медитации с рассуждением см. [Кытманова, 2024]).

Аналогичные поучительные главы содержатся в Изборнике 1073 г. (Вопросы и ответы преподобного Анастасия Синаита) и в Изборнике 1076 г. (Наказание богатым). Таким образом, лексема «рассуждение» появляется в текстах не столько религиозных, сколько религиозно-философских, нравоучительных и дидактических.

Большинство источников, исключая Синайский патерик, – это тексты, прошедшие, как утверждают исследователи, несколько ступеней компиляции и являющиеся результатом наложения нескольких культурных слоев. До недавнего времени в науке существовало мнение, что смысл древнерусских слов подобной литературы можно выявить только при сопоставлении с греческими образцами, однако, как подтверждают новейшие исследования, это не так, поскольку составители древнерусских сборников работали не с греческими оригиналами, а с переводами, которые воспроизводили исходные тексты не целиком, а в виде эскизов [Буланин, 2012]. Между греческим текстом и текстом сборников, возможно, стояло несколько славянских переводов. Как справедливо заметил Д. М. Буланин, «сравнение с греческим не всегда помогает правильной интерпретации текста, так как не учитывает ближайшие источники сборника, которыми были не греческие сочинения, а их славянские переводы, порой подвергавшиеся компилятором довольно бесцеремонной адаптации» [Буланин, 1990, с. 161].

Рассмотрим сперва те случаи, которые не вызывают у большинства ученых сомнений в их греческих аналогах.

1. «Подобаетъ же и намъ творити оубо труды съ смъгреньемъ и **расжжденьемъ**, сиртъчь въпрошенъемъ *δξωвньхъ оѣць*» (*διακρίσεως*) [Popovski, 1989, с. 129]. Δεῖ οὖν καὶ ἡμᾶς ποιεῖν μὲν τοὺς κόπους μετὰ ταπεινώσεως καὶ **διακρίσεως** τούτέστιν δι' ἐρωτήσεως πνευματικῶν πατέρων [Antiochus, 1866, col. 1700].

Как свидетельствует «Патристический лексикон» Лампе, слово *διάκρισις* имело в святоотеческой литературе следующие значения: А 1) разделение, отделение, разграничение; 2) разделение ипостасей; 3) различение двойственной природы Христа; В 1) деление; С 1) пронизательность, способность различать; 2) усмотрение, рассудительность, высшее суждение; 3) внимательное изучение, рассмотрение; D колебание, сомнение [Lampe, 1961, с. 354]. В данном контексте слово **расжжденье** проявляет значение, близкое к С2 – «усмотрение, рассудительность, высшее суждение», расширяющееся до следующей дефиниции: *сиртъчь въпрошенъемъ δξωвньхъ оѣць*, т.е. «снис-

кание совета, разрешения; действие в соответствии с одобрением, по усмотрению духовных наставников», что подтверждается и латинским переводом: *arbitratu discretivo spiritualium Patrum* (по усмотрению духовных отцов) [Antiochus, 1866, col. 1699].

Таким образом, в данном контексте слово имело значение «высшее суждение; апелляция к духовным отцам, сообразование своего действия с их решением, принятие их суда как образца для поведения; некое действие, в результате которого можно получить совет, наставление».

2. «Дхъ бо гнѣвънъ и въ нашемъ срѣдци съгда очи разоумьнги тьмьными матежи ослѣпннть да оуже ни **расоуждениа** пользыныхъ можемъ сътажсати ни дхвѣна разоума обрѣсти постизаниа ни съвѣта блага оудръжати съвръшениа ни сжитая жизни выти причастьници ни видѣника бжиа свѣта приати в нашъ оумъ боудеть ни моудрости приобъитениа» [Popovski, 1989, с. 40]. Οὔτε **διάκρισιν** τῶν συμφερόντων δυνάμεθα κτήσασθαι [Antiochus, 1866, col. 1504]. Ut in reliquum quae salutis parandae commodent et conferant nequeamus **discernere** [Antiochus, 1866, col. 1505].

Во другом контексте слово, хотя и встает в один ряд с «разумом», «кумом» и «мудростью», но имеет другой смысл: «различать, что полезно, а что нет», проводить четкие границы, способность ясно видеть, а, значит, понимать. Референтом слова является действие, предшествующее умопостижению; возможно, это «проницательность, способность различать», что подтверждается и современным переводом («Ибо дух гнева, поселившись в нашем сердце, ослепляет мысленное око темными волнениями, и вообще ни **различения** того, что полезно, мы не сможем иметь» [Антиох, 2015, с. 69]).

Данный контекст дает не только представление о значении интересующей нас лексической единицы, но и о мировоззрении русского средневекового человека, для которого рассуждение – необходимая ступень к познанию, заключающаяся в способности ясно видеть «духовным оком», то есть разумом. В психологическом смысле – это необходимая концентрация внимания, предшествующая процессу мышления. Однако наряду с рациональным здесь имеется и нравственный аспект: размышляя, необходимо поступать по справедливости и в соответствии с авторитетным мнением.

3. «ако велика бѣ от техъ любви и **расоужсание** и пощение» [Синайский патерик..., л. 37 об., с. 109]; ὅτι μεγάλη ἦν παρὰ τοῖς Σκητικαῖς ἀγάπῃ, καὶ ἄσκησις, καὶ διάκρισις [Joannes Moschus..., col. 2908]; quia magna erat charitas apud Scythiotas magna abstinencia, magna discretio [Joannes Moschus..., col. 2907].

Данный текст взят из Синайского патерика, который в своей основной части соотносится с произведением византийского автора VI в. Иоанна Мосха «Луг духовный». Являясь аскетической и одновременно апологетической литературой, патерик близок по своему духу и по времени создания Пандектам, отражая тот же взгляд на понятие *διάκρισις*, что и первый источник. В славянском переводе, тем не менее, мы не видим полного сходства ни с греческим, ни с латинским текстом. Бросаются в глаза отсутствие упоминания скитских старцев и перестановки ключевых слов: *расоужсание* и *пощение* (Ср. греч. ἄσκησις, καὶ διάκρισις). Возможно, перестановка связана с тем, что далее идет речь о старце Аммонии, не принимавшем пищу, если его никто не посещал. Таким образом, аскетическое поведение является прямым следствием жизни по закону святости, которое исходит от духовных отцов. Следовательно, значение слова *расоужсание* в данном контексте сближается с тем, что мы отметили в Пандектах: «рассудительное поведение, с оглядкой на настоятелей и святых отцов».

4. «И чудивъ ся старьць **расоуждениа** братню блгви и» [Синайский патерик..., л. 38 об., с. 112]. Καὶ θαυμάσας ὁ γέρον τὴν **διάκρισιν** τοῦ ἀδελφοῦ ἠύλογησεν αὐτόν [Joannes Moschus..., col. 2909]. Admiratusque senex **discretionem** fratris, benedixit eum [Joannes Moschus..., col. 2910].

В данном отрывке речь идет о некоем ученике Иоанне, который не притронулся к пище, так как не получил разрешения своего духовного отца. Странника-повествователя восхищает в этом монахе особенное послушание, которое здесь и выражает слово *расоуждениа*. Следовательно, в данном контексте слово приобретает значение, которое вряд ли содержит греческий, а тем более латинский текст – «высшая степень послушания», что весьма сходно со значением в предыдущем контексте.

5. «Повѣдаше намъ ав'ва геор'гии прозвутерь. обыца житиа схолари ѡако въ пребывании старьць великъ съдлаше. бѣ же не трѣбѣ при вѣрѣ. съ же обряцаше комъкаваше **без расъжениа**» [Синайский патерик..., л. 124, с. 283]. Διηγῆστο ἡμῖν ὁ ἀββᾶς Γεώργιος ὁ πρεσβυτερος τοῦ

κοινοβίου τῶν Σχολαρίων ὅτι εἰς τὰ Μονοία γέρων μέγας πονικὸς ἐκαθέζετο ἦν δὲ ἀφλῆς περὶ τὴν πίστιν καὶ ὅπου ἤρρισκεν μετελάμβανε **ἀδιακρίτως** [Joannes Moschus..., col. 3048]. Vita senis coenobii Scholarium, viri simplicis. Narravit nobis abbas Gregorius presbyter coenobii Scholarium, quod ibi senex magnus, magnaеque abstinentiae moratus sit: erat autem simplex circa fidem, et ubicunque eum esse contigisset, **indiscrete** communicabat [Joannes Moschus..., col. 3047].

В данном тексте лексема **расжжение** имеет максимально близкое к греческому аналогу значение – «различение».

6. «**Разоумъваи пьра мьдльно твори же расоуждениа** не тьштаса: Твьрдо разоумъи-спсѣниа своѣго хранилиште-еже николиже людина обидѣти: Боуди своимъ повиньникомъ страшнь сана ради-а любьзнъ поданиемъ милостына: Юслико силою прѣвьиши кси въстѣхъ- тольма и дѣлы добрыми свѣтъти» [Изборник 1076 года (11), л. 26].

Данный текст является фрагментом византийского источника – «Поучения» Агапита, диакона Святой Софии в Константинополе, VI в., представляющего собой жанр, который исследователи называют «княжеским зеркалом» [Буланин, 2021] и который содержит изложение максим, принципов поведения для идеального правителя (василевса): Βουλεύου μὲν τὰ πρακτέα βραδέως, ἐκτέλει δὲ **τὰ κριθέντα** σπουδαίως, ἐπειδὴ λίαν ἐστὶ σφαλέρωτατον τὸ ἐν τοῖς πράγμασιν ἀπερίσκεπτον (*Разбирая судебные дела, не спеши, но принятые решения исполняй в точности, ибо самое худшее в делах – небрежность (необдуманность)*) – перевод Е. К.) [Agapetos Diakonos, 1995, с 42].

В данном тексте слово является переводным эквивалентом причастия (*τὰ κριθέντα*), а не существительного. Возможно, потому, что на данном этапе развития языка не было строгого разделения между причастиями, прилагательными и отагдѣктивными существительными, о чем говорилось выше. Внимание также привлекает тот факт, что продолжение фразы не соответствует греческому источнику, то есть не является переводом, а, следовательно, выражает точку зрения древнерусского книжника, а не византийского диакона. Синтаксис предложения также подтверждает тот факт, что над ним поработал славянин. На первый взгляд кажется, что переводчик значительно отходит от греческого текста, вступая в противоречие со смыслом: *разбирать распрю мьдльно* означает то же самое, что *рассуждать не тьштаса* (не спеша), и

противопоставление здесь неуместно. Против греческого противительного предложения выстраивается славянское сочинительное, а частица «же» приобретает функцию «скрепы». Налицо гармония, подкрепленная синонимией и грамматическим параллелизмом: глагольно-именных словосочетаний *разоумъваи пьра – твори расоуждениа* и наречий *мьдльно – не тьштаса*.

Расоуждениа в данном контексте опять сближается с «разумом» и перемещается из юридической сферы в сферу духовной деятельности, где тревожно звучит мысль об ответственности за принятые решения перед судом Божиим. Суть высказывания в том, что, выполняя судебные действия над людьми, ты вершишь суд над собой, следовательно, смысл «рассуждения» – в обдуманности и взвешенности решения, которое имеет высокую степень ответственности.

Перед нами, с одной стороны, характерный для раннего христианства и закреплённый в апостольских заповедях принцип проецирования судебного действия во внутренний план: от суда над людьми – к суду над собой, поскольку от этого выбора будет зависеть судьба твоей души, *спсѣниа своѣго хранилиште*. С другой стороны – характерная для древнерусской литературы тема спасения души как важнейшей цели в жизни, и оценка действий, поступков и помыслов людей с учетом этой цели.

В последующих контекстах, для которых греческие аналоги не были установлены или не являются общепризнанными, мы наблюдаем следующие значения.

1. «*Законъ гьсть дѣсатословьць иже прѣже створениа людьмъе ѡпътьскааго тельца апина бѣ имъ законъ оустави слышимомъ гласомъ тгьмъ же кьстьствомъ правьдньнъ расоуждение творить блѣгъ бо гьсть и не ноуждньнъ*» [Изборник великого князя..., л. 161].

Текст взят из главы «От апостольских заповедей» Изборника Святослава 1073 г. Так же, как и в предыдущем контексте, слово *расоуждение* относится к правовой сфере и входит в состав того же словосочетания – *творить расоуждение*, что означает «совершать суд, выносить решение». Очевидно, можно говорить о том, что слово начинает проявлять коллокационную активность, поскольку вступает в сочетание с одним из самых частотных глаголов древнерусского языка, о чем можно судить по широте контекста использования слова и развитой полисемии (19 значений насчитывается у Срезневского [Срезневский,

стлб. 934–937]), и таким образом закрепляет свое новое значение, возникшее на древнерусской почве.

2. «въпро(с)· О причащении тѣла хѣа· аште достоинъ въсегда причащатиса ст<ы>ихъ и животворашихъ таин<а>хъ: ѿвѣтъ· **Я**ко оубо въсака жьртва боу̑ приносима въ отъпоушениѣ грѣховъ отъ ба̑ члвкъмъ оузаконена бысть· **я**вѣ то юсть· паче же бескврѣнна боу̑ жьртва· а понеже многа намъ трѣбь· и трѣзвение и **расоуж(д)ение**· о причащении стѣихъ таинъ : Блжѣныи пауль оучить ны глѣ· **я**ко недостойнъ юдыи тѣло гнѣ и пиши кровь въ соудъ себѣ юсть и пиеть: соуть же нѣци и **я**ко юдиною» [Изборник 1076 года (11) л. 207].

Текст, взятый из Изборника 1076 г. (Ответы Афанасия), посвящен достойному приготовлению к таинству Евхаристии. Согласно автору текста, святые дары необходимо принимать с чистой душой, иначе это может обернуться осуждением, болезнями и даже смертью. Необходимо ощущать страх Божий. В данном тексте мы вновь видим значение: «иметь позволение, испросить совета относительно возможности причащения у настоятелей, святых отцов», которое наблюдалось в пандектах Антиоха и Синайском патерике.

Таким образом, лексема «рассуждение» на этапе своего появления в русском языке имела следующие значения:

- 1) различение;
- 2) аскетическое поведение, послушание;
- 3) вынесение судебного решения.

Многозначность в период становления слова – явление редкое. Его можно объяснить многозначностью греческого прототипа, эквивалентом которого явилось «рассуждение». Но также вероятно, что мы имеем дело не с многозначностью, а с синкретизмом значения, описанным В. В. Колесовым: «Семантическую филиацию слова **образъ** можно вскрыть только через греческий текст, потому что в любом славянском контексте это слово многозначно и, следовательно, его конкретное значение древний читатель уточнял самим контекстом. Более того, нам неизвестно, действительно ли это слово было в древнеславянском языке многозначным, и не является ли наше теперешнее толкование его простым приписыванием определенного значения слову, которое в XI в. могло давать синкретичное значение «внешнее проявление какой-то сущности» [Колесов, 1977, с. 123–124].

Объяснением многозначности также может служить и то, что мы наблюдаем лексему «рассуждение» в двух различных контекстах, представленных древнейшими источниками русской письменности: 1) религиозно-философском и 2) религиозно-правовом.

Первый контекст формировал представление о рассуждении как о покорности, смирении, сообразности действий с авторитетом церкви; а второй – как о некоем процессуальном действии, направленном на поиск правды, требующем доказательств и оценки.

Религиозно-правовой контекст преобладал в Изборниках как текстах, обращенных не столько к монашеству, сколько к светским людям, правителям и пастве. В этих текстах слово «рассуждение» сближается со словами «разум», «ум», «мышление», что фиксирует начало осмысления понятия *διάκρισις* русскими людьми как отличного от греческого. Русскому человеку было более понятно значение справедливого решения, приговора в суде, нежели абстрактного различения сущностей, тем не менее, центральная сема греческого слова – идея разделения, отличия одной сущности от другой, связанная с толкованием, объяснением явлений и их божественного смысла с опорой на авторитет – станет основой процесса глубокого размышления, поиска доказательств и оценивания результатов и сохранится в «рассуждении», указывая на способ протекания действия – «путем разделения, расчленения, постановки и адресации вопросов» или «путем справедливого, высшего решения».

Заключение

Исследование показало, что лексема «рассуждение» была не переводной калькой, но функциональной заменой для ряда древнегреческих однокоренных слов, выражавших общее значение «разделение, разъединение, различение», которое, однако приняло в древнерусском языке иную интерпретацию. Фонетические процессы, происходившие в слове, свидетельствовали о его быстрой адаптации к нормам древнерусского языка, а морфологические – закрепляли ономаσιологическую структуру слова сперва в общеславянской, а затем в русской национальной специфике. Были выявлены следующие значения лексемы, возникшие на древнерусской почве: 1) обращение к опыту духовных отцов для различения, отделения одного от другого, ясности видения и понимания; 2) судебная деятельность, процедура отделения «добра» от «зла», «хорошего» от «дурного», оценивания и вынесения приговора.

Новые значения сформировались в результате метафорического сдвига: а) переноса физического видения (зрения) во внутренний план видения духовного (понимания); б) переноса судебного разбирательства во внутренний план – суд совести.

Лексема «рассуждение» встречается в древнейших памятниках старославянской письменности, относящихся к разным жанрам поучительной литературы, и обнаруживает различные оттенки значений в каждом из них. За религиозно-философским контекстом закрепилось значение «обращение за духовным советом», а религиозно-правовым – «судебное разбирательство», «решение».

В XI в. лексема ещё была далека от описания процесса мыслительной деятельности, но скрытая отсылка к суду как процессу соизмерения праведности/неправедности, поиска истины и ее доказательств свидетельствовала об особом отношении к действительности, которое носило аксиологический характер. Далее «рассуждение» станет широко употребляться в полемическом дискурсе (произведения Кирилла Туровского, Симеона Полоцкого, Исаяи Копинского и челобитные грамоты раскольников), но лишь к XVII в., соединившись с риторической традицией, станет номинацией жанра.

Библиографический список

1. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова, Ин-т филологии Сибирского отд-ния РАН. Москва : Рукоп. памятники Древней Руси, 2007. Вып. 14: дигнитарь – дрощи. 2020. 381 с.
2. Антиох (монах палестинской лавры св. Саввы; VII в.). Всеобъемлющее собрание (Пандекты) Богодухновенных Святых Писаний / преп. Антиох Монах; пер., коммент. П. К. Доброцветова; ред. пер. Д. Е. Афиногенова. Москва : Сибирская благовонница, 2015. 750 с.
3. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. Москва : Издательский дом ЯСК, 2022. 831 с.
4. Буланин Д. М. Неизвестный источник Изборника 1076 года // Труды отдела древнерусской литературы. 1990. Т. 44. С. 161–178.
5. Буланин Д. М. Изборник 1076 года и споры о национальных приметах в древнейших славянских переводах // Русская литература. 2012. № 2. С. 3–30.
6. Буланин Д. М. Первые московские опыты в жанре «княжеского зеркала» // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3 (15). С. 94–112.
7. Евангелие апракос краткий «Остромирово Евангелие», 1056–1057 г. (РНБ, Ф.п.1.5.), 294 л.
8. Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. Москва : Языки славянских культур, 2010. 848 с.
9. Изборник 1076 года: Тексты и исследования / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз.; Изд. подгот. В. С. Гольшенко и др.; под. ред. С. И. Коткова. Москва : Наука, 1965. 1091 с.
10. Изборник великого князя Святослава Ярославовича 1073 года [с предисл. Геннадия Карпова]. Санкт-Петербург : иждивением Т.С. Морозова, 1880. 266 л.
11. Изборник 1076 г. 2-е издание, переработанное и дополненное / подг. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Гольшенко; под ред. А. М. Молдована. Т. 1. Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 744 с.
12. Иоанн Синайский, преподобный Лествица / Рукопись свт. Киприана, митр. Московского. СТСЛ, 2011. 416 с.
13. Колесов В. В. Лексическое варьирование в Изборнике 1073 г. и древнерусский литературный язык // Изборник Святослава 1073 г.: сборник статей / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; отв. ред. Б. А. Рыбаков. Москва : Наука, 1977. С. 108–127.
14. Копко П. М. Исследование о языке Пандектов Антиоха XI в // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Санкт-Петербург, 1915. Т. XX. Кн. 4. С. 1–92.
15. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–36.
16. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
17. Кытманова Е. А. Рассуждение как научный жанр // Язык и актуальные проблемы образования. Материалы X Международной научно-практической конференции: г. Москва, 22 января 2024 г. / под ред. Е. И. Артамоновой, О. С. Ушаковой. Москва : МАНПО, 2024. С. 117–124.
18. Миронова Т. Л. Хронология славянских и древнерусских рукописных книг. Москва : Русская книга, 2001. 403 с.
19. Миронова Т. Л. Хронология древнерусских рукописных книг XI в. на основе реконструкции их старославянских протографов // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2004. № 1. С. 234–246.
20. Мушинская М. С. Изборник 1076 года: текстология и язык / Российская академия наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. 478 с.
21. Николов А. Старобългарският превод на «Изложение на поучителни глави към император Юстиниан» от дякон Агапит и развитието на идеята за достойнството на българския владетел в края на IX – началото на X в. // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 2000. Год. 24, кн. 3. С. 76–105.
22. Пандект монаха Антиоха: по рукописи XI века, принадлежащей Воскресенскому монастырю: издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете / под наблюдением О.М. Бодянского. Москва : Синодальная тип., 1913. 56 с.

23. Синайский патерик: Текст и палеогр. описание / Изд. подгот. В.С. Гольшенко, В.Ф. Дубровина. Москва : Наука, 1967. 401 с.
24. Словарь Академии Российской. Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 5. От Р до Т. 1794. 1084 стб.
25. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / РАН, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. В. Б. Крысько. Москва : Рус. яз., Азбуковник; ЛЕКСРУС, 1988–. Т. 10. Москва: «Азбуковник», 2013. 656 с.
26. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. Санкт-Петербург: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912. Р -Я [йотированный юс малый] и дополнения. Т. 3. 1912. 1684 стлб.
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Изд. 2-е, стер. Москва : Прогресс, 1986–1987. Т. 3. 832 с.
28. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивир. слов по данным древнеболг. рукописей X–XI вв. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. Москва : Наука, 1977. 336 с.
29. Agapetos Diakonos Der Fürstenspiegel für Kaiser Iustinianos (ed. R. Riedinger). Αθήναι, 1995. 89 p.
30. Antiochus. Pandectes scripturae divinitus inspirate. In Patrologiae cursus completus. Series Graeca (PG), ed. Jacques-Paul Migne, 161 vols., Paris, J. P. Migne, 1857–1866, vol. 89, Col. 1422–1856.
31. DeGraaf D. Some Doubts about Doubt: The New Testament Use of Διαρπινω // Journal of the Evangelical Theological Society. 2005. Vol. 48. №. 4. P. 733–755.
32. Joannes Moschus. Pratum spirituale. In Patrologiae cursus completus. Series Graeca (PG), ed. Jacques-Paul Migne, 161 vols., Paris, J. P. Migne, 1857–1866, vol. 87, Col. 2851–3112.
33. Lampe G.W. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961. 1615 p.
34. Papadogiannakis Y. An education through Gnostic wisdom: The Pandect of Antiochus as Bibliothekersatz // Education and Religion in Late Antique Christianity. Routledge, 2016. P. 61–72.
35. Pozsgai I., Tóth I. H. Одноерова часть из Пандект монаха Антиоха // Revue des études slaves. 2015. Vol. 86. №. LXXXVI-3. P. 319–338.
36. Popovski J. The Pandects of Antiochus: Slavic Text in Transcription // Polata knjigopisnaja. An information Bulletin Devoted to the Study of early Slavic Books, Texts and Literatures. Amsterdam, January, 1989. № 23–24.
37. Veder W. Версии или текстовые? Княжият изборник и Изборникът на грешния Йоан и техните роднини // Старобългарска литература. 2019. №. 59–60. С. 199–220.
- otd-nija RAN. Moskva : Rukop. pamjatniki Drevnej Rusi, 2007. Vyp. 14: dignitar' – droshhi. 2020. 381 s.
2. Antioh (monah palestinskoj lavry sv. Savvy; VII v.). Vseob#emljushhee sobranie (Pandekty) Bogoduhnovennyh Svjatyh Pisanij = The Comprehensive Collection (Pandects) of the Divine Holy Scriptures / prep. Antioh Monah; per., komment. P. K. Dobrocvetova; red. per. D. E. Afinogenova. Moskva : Sibirskaja blagovonnica, 2015. 750 s.
3. Balashova L. V., Dement'ev V. V. Russkie rechevye zhanry = Russian speech genres. Moskva : Izdatel'skij dom JaSK, 2022. 831 s.
4. Bulanin D. M. Neizvestnyj istochnik Izbornika 1076 goda = An unknown source of the 1076 Anthology // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. 1990. T. 44. S. 161–178.
5. Bulanin D. M. Izbornik 1076 goda i spory o nacional'nih primetah v drevnejshih slavjanskijh perevodah = The 1076 Anthology and the controversy over national customs in the earliest Slavonic translations // Russkaja literatura. 2012. № 2. S. 3–30.
6. Bulanin D. M. Pervye moskovskie opyty v zhanre «knjazheskogo zercala» = The first Moscow experiments in the genre of «mirrors for princes» // Paleorosija. Drevnjaja Rus': vo vremeni, v lichnostjah, v idejah. 2021. № 3 (15). S. 94–112.
7. Evangelie aprakos kratkij «Ostromirovo Evangelie» = The Gospel of the Day «Ostromir's Evangelium». 1056–1057 g. (RNB, F.p.1.5.), 294 l.
8. Zalznjak A. A. Trudy po akcentologii = Works on accentology. T. 1. Moskva : Jazyki slavjanskijh kul'tur, 2010. 848 s.
9. Izbornik 1076 goda: Teksty i issledovanija = 1076 Anthology: Texts and studies / Akad. nauk SSSR. In-t rus. jaz.; Izd. podgot. V. S. Golyshenko i dr.; pod. red. S. I. Kotkova. Moskva : Nauka, 1965. 1091 s.
10. Izbornik velikogo knjazja Svjatoslava Jaroslavovicha 1073 goda = The 1073 Izbornik of Grand Prince Svjatoslav Jaroslavovich [s predisl. Gennadija Karpoval]. Sankt-Peterburg : izhdvieneniem T.S. Morozova, 1880. 266 l.
11. Izbornik 1076 g. = 1076 Izbornik. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe / podg. M. S. Mushinskaja, E. A. Mishina, V. S. Golyshenko; pod red. A. M. Moldovana. T. 1. Moskva : Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 744 s.
12. Ioann Sinajskij, prepodobnyj Lestvica = St. John of Sinai, the Venerable Lestvitsa / Rukopis' svt. Kipriana, mitr. Moskovskogo. STSL, 2011. 416 s.
13. Kolesov V. V. Leksicheskoe var'irovanie v Izbornike 1073 g. i drevnerusskij literaturnyj jazyk = Lexical Variation in the 1073 Izbornik and Old Russian literary language // Izbornik Svjatoslava 1073 g.: sbornik statej / AN SSSR, Nauch. sovet po istorii mirovoj kul'tury; otv. red. B. A. Rybakov. Moskva : Nauka, 1977. S. 108–127.
14. Kopko P. M. Issledovanie o jazyke Pandektov Antioha XI v. = A study on the language of the 11th century Antiochus Pandects // Izvestija otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. Sankt-Peterburg, 1915. T. XX. Kn. 4. S. 1–92.
15. Krysin L. P. Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom jazyke poslednih desjatiletij = Lexical

Reference list

1. Anikin A. E. Russkij jetimologicheskij slovar' = Russian etymological dictionary / Rossijskaja akad. nauk, In-t russkogo jaz. im. V.V. Vinogradova, In-t filologii Sibirskogo

borrowing and loan translation in the Russian language of recent decades // *Voprosy jazykoznanija*. 2002. №. 6. S. 27–36.

16. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge. Toward gaining linguistic knowledge: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the world cognition // *Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija*. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 s.

17. Kytmanova E. A. Rassuzhdenie kak nauchnyj zhanr = Reasoning as a scientific genre // *Jazyk i aktual'nye problemy obrazovanija. Materialy H Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii: g. Moskva, 22 janvarja 2024 g. / pod red. E. I. Artamonovoj, O. S. Ushakovoj*. Moskva : MANPO, 2024. S. 117–124.

18. Mironova T. L. Hronologija slavjanskih i drevnerusskih rukopisnyh knig = Chronology of Slavonic and Old Russian manuscripts. Moskva : Russkaja kniga, 2001. 403 s.

19. Mironova T. L. Hronologija drevnerusskih rukopisnyh knig XI v. na osnove rekonstrukcii ih staroslavjanskih protografov = Chronology of Old Russian XI century manuscript books on the basis for reconstructing their Old Slavonic protographs // *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo*. 2004. № 1. C. 234–246.

20. Mushinskaja M. S. Izbornik 1076 goda: tekstologija i jazyk = 1076 Izbornik: textology and language / *Rossijskaja akademija nauk, In-t russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*. Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2015. 478 s.

21. Nikolov A. Starob#lgarskijat prevod na «Izložhenie na pouchitelni glavi k#m imperator Justinian» ot djakon Agapit i razvitiето na idejata za dostojnstvoto na b#lgarskija vladetel v kraja na IX – nachaloto na X v. // *Palaeobulgarica = Starob#lgaristika*. 2000. God. 24, kn. 3. S. 76–105.

22. Pandekt monaha Antioha: po rukopisi XI veka, prinadlezhashhej Voskresenskomu monastyrju: izdanie Imperatorskago Obshhestva istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete = The Pandect of the monk Antiochus: from a manuscript of the XI century belonging to the Resurrection Monastery: a publication of the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University / pod nabljudeniem O.M. Bodjanskago. Moskva : Sinodal'naja tip., 1913. 56 s.

23. Sinajskij paterik: Tekst i paleogr. opisanie = The Sinai Paterik: Text and paleographic description / *Izd. podgot. V.S. Golyshenko, V.F. Dubrovina*. Moskva : Nauka, 1967. 401 s.

24. Slovar' Akademii Rossijskoj = Dictionary of the Russian Academy. Sanktpeterburg: Pri Imp. Akad. nauk, 1789–1794. Ch. 5. Ot R do T. 1794. 1084 stb.

25. Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.) = Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries) / RAN, In-t rus. jaz.; Gl. red. V. B. Krysko. Moskva : Rus. jaz., Azbukovnik; LEKSRUS, 1988–. T. 10. Moskva: «Azbukovnik», 2013. 656 s.

26. Sreznevskij I. I. Materialy dlja slovarja drevnerusskago jazyka po pis'mennym pamjatnikam: trud I. I. Sreznevskogo. Sankt-Peterburg: izdanie Otd-nija rus. jaz. i slovesnosti Imperatorskoj akad. nauk, 1890–1912. R -IA [jotirovannyj jus malyj] i dopolnenija. T. 3. 1912. 1684 stlb.

27. Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language : v 4 t. / per. s nem i dop. chlena-korrespondenta AN SSSR O.N. Trubacheva; pod red. i s predisl. prof. B.A. Larina*. *Izd. 2-e, ster.* Moskva : Progress, 1986–1987. T. 3. 832 s.

28. Cejtin R. M. *Leksika staroslavjanskogo jazyka: Opyt analiza motivirovannyh slov po dannym drevnebolgarskih rukopisej X–XI vv. = Lexicon of the Old Slavonic language: Experience of analyzing motivated words according to the data of Old Bulgarian manuscripts of the 10th–11th centuries / AN SSSR, In-t slavjanovedenija i balkanistiki*. Moskva : Nauka, 1977. 336 s.

29. Agapetos Diakonos *Der Fürstenspiegel für Kaiser Iustinianus* (ed. R. Riedinger). Αθήνα, 1995. 89 p.

30. Antiochus. *Pandectes scripturae divinitus inspirate*. In *Patrologiae cursus completus. Series Graeca (PG)*, ed. Jacques-Paul Migne, 161 vols., Paris, J. P. Migne, 1857–1866, vol. 89, Col. 1422–1856.

31. DeGraaf D. Some Doubts about Doubt: The New Testament Use of Διακρίνω // *Journal of the Evangelical Theological Society*. 2005. Vol. 48. №. 4. P. 733–755.

32. Joannes Moschus. *Pratum spirituale*. In *Patrologiae cursus completus. Series Graeca (PG)*, ed. Jacques-Paul Migne, 161 vols., Paris, J. P. Migne, 1857–1866, vol. 87, Col. 2851–3112.

33. Lampe G.W. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1961. 1615 p.

34. Papadogiannakis Y. *An education through Gnostic wisdom: The Pandect of Antiochus as Bibliothekersatz // Education and Religion in Late Antique Christianity*. Routledge, 2016. P. 61–72.

35. Pozsgai I., Tóth I. H. *Odnoerovaja chast' iz Pandekt monaha Antioha // Revue des études slaves*. 2015. Vol. 86. №. LXXXVI-3. P. 319–338.

36. Popovski J. *The Pandects of Antiochus: Slavic Text in Transcription // Polata knjigopisnaja. An information Bulletin Devoted to the Study of early Slavic Books, Texts and Literatures*. Amsterdam, January, 1989. № 23–24.

37. Veder W. *Versii ili tekstove? Knjazhijat izbornik i Izbornik#t na greshnija Joan i tehните rodni ni // Starob#lgarska literatura*. 2019. №. 59–60. S. 199–220.

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024